

Глава 2

ДЕТИ СТАЛИНА: ЗАЛЕТНЫЕ ПТИЦЫ

Россией я заинтересовалась еще в школе, когда изучала русскую историю и литературу. Меня всегда привлекали радикалы — всех времен и народов, а русские революции 1905 и 1917 годов волновали меня даже больше, чем французская революция. На собеседовании при поступлении в Оксфорд я рассказала об этом, и за годы учебы мой интерес не угас, но теперь меня больше интриговало советское настоящее. Литература по этой теме практически отсутствовала. Американские учебники рассказывали об обществе терроризируемых людей с «промытыми мозгами», а в советской печати люди-братья работали, танцевали и повышали свой образовательный уровень. Обе версии казались мне крайне сомнительными, но я понимала, что, находясь в Оксфорде, невозможно узнать, как обстоят дела в действительности.

Годы моей учебы совпали со временем появления в Великобритании политического направления «новых левых» — широкой коалиции интеллектуалов-социалистов разных поколений и убеждений: некоторые были марксистами, некоторые нет, но всех их объединяла идея создания демократического социалистического порядка вместо существующих западного капитализма и восточного коммунизма. Секретный доклад Хрущева в феврале 1956 года с разоблачением культа личности Сталина, а также восстания в Польше и Венгрии, случившиеся позже в том же году, показали необходимость новых подходов и коренных изменений. Но что же представляли собой советское общество и политический строй в СССР? Из первой поездки в 1959 году я вернулась совершенно сбитой с толку. «Я надеялась, — писала я, — найти ответы на свои вопросы, но это оказалось невозможно. Если бы я могла говорить по-русски!» Купив самоучитель

русского языка и договорившись с другом-филологом об уроках (раз в неделю, за бутылку виски за семестр), я научилась читать по-русски. Мне казалось ясным, что западный капитализм, так же как и советский коммунизм, дискредитировали себя, а о югославском строе я никак не могла составить собственного мнения. Может быть, Югославия, с ее рабочими советами, нашла путь, который позволит положить конец разобщенности, бюрократизму и иерархической системе власти? В 1960 году мне представился случай выяснить это — в югославском консульстве я познакомилась с сербским инженером, который дал мне адрес своих родителей в Белграде. Мы с другом автостопом добрались через Италию до Греции, где он остался осматривать афонские монастыри, а я поехала дальше — на заводы Белграда. За сливовицей и турецким кофе я обсуждала промышленное производство и рабочие советы с их представителями, делая заметки и составляя план посещения заводов. Теперь я знала, на какой вопрос ищу ответ — был ли прав Маркс, когда говорил, что тип собственности на средства производства определяет характер социального и политического устройства? Изучу способы решения трудовых споров в России и тогда все пойму.

В 1959-м Британский совет и Министерство высшего образования СССР договорились об организации десятимесячных стажировок для аспирантов. В своем заявлении в 1960 году я написала, что хочу стажироваться «где-нибудь за Уралом», в чем мне, естественно, отказали: иностранцев направляли только в Москву или Ленинград. А еще мне было нужно прочесть побольше литературы по теме и получше выучить русский. В надежде найти научного руководителя я обратилась в колледж Святого Антония в Оксфорде, где можно было найти специалистов по России и куда я студенткой в конце пятидесятых ходила на вечерние семинары. Тогда я мало что вынесла из обсуждений пожилых эмигрантов с английскими учеными, которые, как я узнала через много лет, сотрудничали со службой безопасности, и теперь не расстроилась, когда мне отказали на том основании, что я женщина. Все равно никто там не мог стать научным руководителем аспирантки, пишущей диссертацию о трудовых спорах в СССР. Я осталась в Соммервил-колледже, в качестве научного руководителя мне назначили Хью Клегга — специалиста по

трудовым отношениям из Наффилд-колледжа. К 1964 году, когда в аспирантуру колледжа Святого Антония пришла Шейла Фицпатрик*, политика там изменилась, но Шейла все же называла его «шпионским колледжем». Год спустя меня пригласили туда рассказать о своих исследованиях в Ленинграде. Хью Клегг пришел и сел в первом ряду, и я почувствовала, как заволновалась аудитория. Причину этого я не поняла ни тогда, ни позже, когда услышала, как один из постоянных слушателей сказал другому: «Он *точно* был членом коммунистической партии».

В 1961 году меня приняли в программу обмена Британского совета. К этому моменту я определилась с темой диссертации, могла читать по-русски и начала изучать литературу по теме. В сентябре 1961-го я упаковала в большой металлический сундук всю свою одежду, старую мамину шубу, огромную банку растворимого кофе и годовой запас Тамрах и, вместе с другими аспирантами, на элитном советском круизном лайнере «Балтика» отправилась из Тильбюри в Ленинград.

МЫТНЯ

В общежитии на берегу Невы, известном как Мытня, с 1920-х годов жили студенты со всей России, из Средней Азии и с Кавказа. Место было завидное — великолепный вид на Зимний дворец, недалеко главное здание Ленинградского университета, где размещались гуманитарные факультеты, библиотека и столовая, Академия наук с ее библиотекой. Читая мемуары о первых годах существования общежития, я встречаю людей и проблемы, знакомые мне по началу шестидесятых: аполитичных студентов, скучающих по далекому дому, и верных делу партии большевиков старшего возраста. К шестидесятым жизнь стала более спокойной, все до некоторой степени интересовались политикой, но такой преданности делу партии, как у коммунистов времен Гражданской войны, ни у кого из моих знакомых не было. Некоторые активисты организовывали субботники, но они не были моими друзьями и, как правило, не общались с западными

* Шейла Фицпатрик (англ. *Sheila Fitzpatrick*) — австралийский историк, специалист по истории СССР.

студентами. Молодежь из Восточной Европы начала появляться на Мытне в начале 1950-х, а в 1961-м, по начавшемуся культурному обмену, приехало несколько аспирантов из западных стран — десять из Америки, четверо из Англии и двое из Франции. Мы были единственными людьми «с запада» в целом городе. Через год американцев и европейцев переселили, уже по двое в комнате, в новое общежитие — кирпичное здание на дальнем конце Васильевского острова, где была горячая вода. Наши места на Мытне заняли вновь прибывшие студенты из Африки.

Холл общежития, вероятно, мало изменился с двадцатых годов: тяжелые гардины, массивные кресла, бронзовый купидон, огромное позолоченное зеркало и горшки с гигантскими фикусами. Всех поднимающихся по лестнице приветствовали белый бюст Ленина, красный плакат «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!» и фотографии членов Политбюро. В общежитии посменно работали три вахтера, они записывали всех проходящих в книгу и выдавали почту из ящичков с номерами комнат. Еще в холле стояла телефонная будка, откуда за две копейки можно было позвонить, на этот телефон можно было звонить жильцам, но сообщат ли тебе о звонке, зависело от того, кто поднял трубку, — человек мог и не захотеть подниматься в твою комнату. После 22:30 посетителям находиться в здании запрещалось, а в час ночи тяжелые входные двери запирались. Проснется вахтер от стука в дверь или нет, было делом случая. Находчивые студенты лазили через окно первого этажа, но этот путь был открыт только весной и летом — с наступлением холодов мы затыкали ватой и заклеивали большие двойные окна своих комнат, оставляя только форточки для проветривания.

Нам с Шилой — единственным женщинам в программе обмена Британского Совета — выделили места в большой комнате на пятом этаже, с видом на реку. В ней было всего четыре кровати, а не шесть, как в большинстве других (больничные пружинные кровати с тонкими матрацами, белье меняли раз в две недели). Пол был выкрашен в бордовый, а стены — в белый и зеленый цвета. Дважды в год мы подновляли краску на полу. Мебель в комнате состояла из большого коричневого деревянного шкафа, тумбочек у каждой кровати, книжной полки, большого стола, обычно заставленного посудой, четырех стульев, на

которых мы развешивали чулки, и громадного зеркала. Да, еще на стене висело радио. В полночь радио, сыграв гимн и отзвенев кремлевскими курантами, замолкало, и, если мы забывали его выключить, вновь оживало с той же музыкой в 6 утра. Когда это случалось, с кровати вскакивала разъяренная Шила и выключала его. А после заклейки окон возникала очередная проблема — закрывать форточку на ночь или нет? Никто не хотел уступать, и, бывало, среди ночи разыгрывались молчаливые драмы, когда враждующие стороны на цыпочках старались прокрасться к окну.

Туалеты были в чудовищном состоянии, а помыться можно было лишь изредка: горячую воду включали по вторникам и четвергам с 14:00 до 16:00. Обычно мы, как и большинство населения Ленинграда, мылись в общественных банях: в коммунальных квартирах и общежитиях условий для этого практически не было. А для мужчин поход в баню был еще и поводом выпить пива с друзьями. В бане, куда ходили мы с Шилой, был огромный гардероб для верхней одежды и обуви, касса, пивной бар и киоск, где торговали мылом, полотенцами и майками. Можно было купить билет в общий зал, в отдельные кабинеты, в душ, в парную и даже в парикмахерскую. В первой комнате общего зала стояли белые скамейки и висели зеркала — там все раздевались и оставляли одежду. Белье и тела огромных русских матерей семейств представляли собой незабываемое зрелище. Раздевшись и прихватив кусок мыла и мочалку, все входили через двойные двери в выложенную красной плиткой и полную пара святая святых. Здесь нужно было не зевать и захватить жестяную шайку, наполнить ее кипящей водой из крана, а потом занять место на белой мраморной скамье, чтобы начать ритуал намыливания и мытья. Все свято верили, что если намылиться с ног до головы пять раз, то ты будешь чище, чем если сделаешь это только дважды, и что отмыться меньше чем за 45 минут невозможно. (Гардеробщица могла выругать тебя за нечистоплотность, если ты слишком быстро выходила). После мытья все шли в парную, где с каждой полкой вверх жар усиливался (мне никогда не удавалось подняться выше второй), и хлестали друг друга березовыми вениками.

Несмотря на все старания, мы пахли. *Odorono* — единственный в то время в Англии дезодорант — не помогал: в комнатах

жарко топили, одежды у нас было мало, а мытье было роскошью. Живущие в коммуналках русские, у которых не было дезодорантов, пахли еще сильнее, а для молодых читателей отмечу, что в Англии чаще мыться стали только в 1970-х (так ведь?), и тогда вместе с появлением разных дезодорантов, стиральных машин и более доступной одежды запах тел постепенно исчез из нашей жизни. В Америке это случилось раньше. Уже в шестидесятых там пользовались дезодорантами, стиральными машинами и часто мылись. Помню, как я удивилась этому, когда впервые приехала в США.

В буфете общежития почти всегда можно было купить ржаной хлеб, бледные сосиски и яйца. Каждый этаж был оборудован кухней с газовыми плитами, где мы готовили и грели воду для мытья и стирки. (Где мы сушили одежду? Кажется, на батареях). Девушки и юноши жили на разных этажах, у некоторых женатых студентов были дети, разъезжавшие по широким коридорам на своих трехколесных велосипедах. И хотя нередко можно было встретить пьяного студента, карабкающегося вверх по лестнице мимо больших белых плевательниц и пепельниц, драки случались редко. Общежитие было безопасным местом, где жили дружелюбные люди.

В ту первую субботу мы ночевали в комнате вдвоем. В 6 утра приехала Вера, студентка последнего курса исторического факультета, так же удивленная нашим появлением, как и мы ее. Она вернулась из очередной автобусной поездки в Ригу — подрабатывала по выходным экскурсоводом. В эти дни она оставляла радио на ночь включенным, чтобы оно будило ее в 6 утра. Обычно радио будило только нас, а уже мы расталкивали Веру, и она начинала топтать по комнате — готовить завтрак для своего парня Вити, приходившего около семи. Проходила еще пара дней, Вера снова возвращалась, сразу же принималась готовить и ложилась только в восемь, чтобы поспать часа три. К этому моменту мы с Шилой уже полностью просыпались и кипели от возмущения. Многие русские обладают способностью спать, несмотря на шум и яркий свет. Наша четвертая соседка — Лиля — была исключительной соней, да и Веринуому сну не мешали ни три горящие лампочки без абажуров, ни включенное радио.

Лиля родилась в семье деревенского школьного учителя. Всего в семье было пятеро детей. Мама Лили, уборщица в больнице, была неграмотной и научилась читать и писать только после смерти мужа, чтобы переписываться с дочкой. У Лили было две страсти: сон и косметика. Весь последний год учебы в университете она проспала, пробуждаясь только к обеду, чтобы нанести толстый слой макияжа и, тщательно повязав на голову шарф, так что не было видно почти ничего, кроме глаз и губ, шла прогуляться по Невскому. Вернувшись, она жаловалась на отсутствие привлекательных мужчин (Лиля любила повторять фразу из книги Ильфа и Петрова, что в Рио-де-Жанейро все мужчины ходят в белых штанах), а потом, немного полистав журнал мод, снова ложилась спать. Лиля укладывала свои волосы «ульем». Она могла начать завиваться (непростая задача, для которой требовалось не меньше 45 минут стараний перед зеркалом) в два часа ночи. Чтобы не беспокоить нас, она накрывала настольную лампу полотенцем или шарфом — в результате на них оставались обожженные пятна. То, что ее фотографию вывесили на всеобщее обозрение после комсомольской проверки жалоб преподавателей на то, что студенты не приходят даже на вторую пару, начинавшуюся в 10 утра,нисколько ее не смутило. Время от времени комитет комсомола проверял чистоту комнат, выставлял оценки и делал замечания: «Товарищи, в комнате сплошное свинство! Наведите порядок! Нельзя выносить посуду из буфета!» Лиля училась на археолога и как-то умудрилась получить диплом и распределиться на работу в музей в далеком Душанбе, чему была очень рада, — из-за использования вредных реактивов рабочий день там длился всего четыре часа.

Жить с Лилей было легко — не так, как с Верой из Тамбова, ставшей моей ближайшей подругой. Ее семья чудом пережила войну. Родители были школьными учителями. В 1943 году отец вернулся с фронта практически слепым. Мать всю войну по двенадцать часов в день, шесть дней в неделю шила шинели. Старшую сестру, обессиленную от недоедания, отправили к дедушке и бабушке. Вера, которой в начале войны было три, целыми днями сидела дома одна, закутанная в пальто, и ждала, когда мама вернется с работы. В конце пятидесятых Вера